

УДК 295.4, 291.13

СИМУРГ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА СОБАКИ И ПТИЦЫ В ЗОРОАСТРИЙСКОМ ПОСМЕРТНОМ РИТУАЛЕ

Андрущенко И. В.

Аннотация: В статье на примере эволюции образа мифического Симурга (Сенмурва) рассматривается влияние иранской религии в процессе коммуникативного взаимодействия с древнерусской культурой, а также суфийским исламом. Автор объясняет соединение атрибутов птицы и собаки в образе Симурга сакральным значением этих животных в эскарнации, практиковавшейся в зороастрийском погребальном обряде, продолжившим традицию вторичных захоронений эпохи неолита. Священный статус собак и птиц в древнем Иране подтверждается текстами Авесты и пехлевийских источников. В авестийский период Симург выступает в роли проводника души умерших в загробном мире. В Сасанидском Иране Симург символизирует «хварно» – божественную славу иранских правителей. В древнерусский языческий пантеон, зафиксированный в «Повести временных лет», иранский символ вошел под именем Смаргла. После крещения Руси образ собаки-птицы, наполненный христианским смыслом, сохранялся в храмовой архитектуре. Иранский поэт Фирдоуси продолжает древнеиранскую традицию в эпической поэме «Шахнаме», где Симург представлен в качестве посредника между мирами, носителя хварно и целителя. После исламизации Ирана, повлекшей признание собак ритуально нечистыми животными, мусульманские писатели делают акцент на птичьих чертах Симурга, отождествляя мистический полет души-птицы с Мираджем Муххамада. Суфийские мистики возвышают древний образ царя птиц Симурга до символа Абсолюта, трансцендентного миру. Такое значение Симург приобретает в трудах Ахмада Газали, Санаи, Сухраварди и других персидских философов и поэтов. Особенно выразительно суфийская мысль представлена Фарид ад-Дин Аттаром в трактате «Мантик ат-тайр» («Язык птиц»), где Симург служит метафорой Бога, конечной целью духовного пути, при достижении которой происходит растворение личности мистика, как необходимое условие пребывания в Боге.

Ключевые слова: Симург, Смаргл, зороастризм, эскарнация, славянский пантеон, суфизм.

Цель настоящей работы заключается в исследовании процесса рецепции древнеиранской культуры в Древней Руси и исламе на примере эволюции образа Симурга, мифического персонажа зороастрийской религии.

Духовная культура каждого народа развивается под воздействием коммуникативных связей с соседними этносами. В процессе аккультурации древние символы могут обогащаться новыми смыслами, определяемыми цивилизационным дискурсом. Для понимания изначального значения религиозного ритуала, изображения или идеи иногда

необходимо обращаться к истокам, лежащим в глубине веков. Множество примеров взаимовлияния обнаруживает коммуникация древнерусской и иранских культур.

Особенную актуальность данная тема приобретает при ведении диалога между традиционными религиями как внутри страны, так и на международном уровне. Российское государство объединяет народы, имеющие различные религии, которые, как отмечено в Указе Президента РФ, стали «неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия» [1]. Нахождение общих точек культурного соприкосновения способствует мирному сосуществованию представителей разных конфессий. Важная роль в ведении межрелигиозного диалога с целью нахождения «формулы гармоничного сосуществования верующих различных религий» [2] принадлежит российским общественным организациям «Всемирный русский народный собор» и «Межрелигиозный совет России». По мнению мусульманских ученых, в традиционном исламе также заложены предпосылки для открытого межконфессионального общения, «при котором участники относятся друг к другу с глубоким уважением, интересуются традициями, вероучением и изучают священные писания друг друга» [3]. Наглядный положительный пример представляет уникальный опыт межрелигиозного диалога в рамках Совместной российско-иранской комиссии «Православие-Ислам», в результате деятельности которой были установлены «прочные дипломатические контакты и благожелательные, доверительные отношения между Русской Православной Церковью и исламской общиной Ирана» [4]. Сегодня, когда вызовы эпохи заставляют Россию повернуться на Восток, особенно важным становится исследование давних связей славянских народов с Иранской цивилизацией, берущих начало во времена праиндоевропейской общности, продолжающихся в Древней Руси, Российской империи, Советском Союзе и развивающихся в настоящее время между Российской Федерацией, Исламской Республикой Иран и всеми странами, испытавшими влияние иранской культуры.

Иранская цивилизация входила в тесное соприкосновение с множеством национальных культур на протяжении нескольких тысячелетий. Период расцвета Персидской империи, объединившей народы на огромном пространстве от восточного Средиземноморья до Инда, сопровождался культурным обменом в мифологии, религии, архитектуре, художественном искусстве, административном управлении и других сферах жизнедеятельности. В сасанидский период следы иранского влияния встречаются в христианской и исламской культурах.

В данном исследовании процесс рецепции иранской культуры рассматривается на примере эволюции образа Симурга – мифического существа, упоминаемого в зороастрийской Авесте. Этот образ, ставший символом царской власти Сасанидов, присутствует в славянском язычестве, встречается в древнерусской храмовой архитектуре и трансформируется в метафору Высшего Абсолюта в суфийском исламе. Отголоском древнего символа явилась эмблема популярной в конце 20 в. британской рок-группы «Queen», лидер которой был парсом по национальности.

Древняя Русь сохранила мало информации о своём языческом прошлом. Возможность письменной фиксации истории появилась лишь после принятия крещения в X

в., так как письменность распространилась на Руси вместе с христианством, благодаря трудам свв. равноап. Мефодия и Кирилла. Более давние древнерусские литературные памятники не сохранились [5, с. 43]. Основным источником сведений о богах дохристианской Руси является «Повесть временных лет», написанная в начале XII в. В ней рассказывается о так называемой языческой реформе 980 г., которую князь Владимир попытался провести незадолго до принятия христианской веры: «И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь» [6, с. 54]. Установленный князем общегосударственный языческий пантеон помимо традиционных для славян божеств Перуна, Дажьбога, Стрибога и женского божества Мокоши, включил иранские божества Хорса и Симаргла. Присутствие в славянском пантеоне иранских божеств объясняется наличием тесных культурных связей славян с иранскими племенами, проживающими на русских землях и по соседству. Тысячелетние славяно-иранские связи были определяющими между предками славян и их соседями на юге и востоке [7, с. 37]. Вероятнее всего, князь Владимир, включая Хорса и Симаргла в официальный перечень божеств, учитывал интересы иранцев, состоявших на военной службе в древнерусском государстве [8, с. 122]. Солярное божество Хорс, по всей видимости, дублировал славянского Дажьбога. А значение Симаргла остается неясным и вызывает различные гипотезы.

Традиционно происхождение Симаргла связывают с иранским божеством Симуругом (Сенмурвом), самые ранние сведения о котором встречаются в Яштах «Авесты». Яшт, посвященный богу победы Вэртрагне, упоминает о Сенмурве в связи с высокими горами, окутанными дождевыми облаками (Яшт XIV, 41) [9, р. 242]. В Рашн-яшт сказано о целебном дереве Сенмурва, стоящем посреди моря Вуру-Каша, на котором покоятся семена всех растений (Яшт XII, 17) [9, р. 173]. Высокие горы и дерево, места обитания Сенмурва свидетельствуют о его принадлежности к небесной божественной сфере. В мифах многих народов именно эти образы символизируют связь земли с небом. К примеру, в качестве священной горы выступают первичный холм Бен-Бен в египетской мифологии, гора Меру в индуизме, гора Синай у евреев, гора Олимп у греков и др. Мировое дерево, расположенное в сакральном центре мироздания, также является одним из самых распространенных мифологических архетипов, организующих космос, посредством кроны соединяя формируемое стволем и ветвями земное пространство с небом, а корнями сообщаясь с преисподней [10, с. 399]. В библейском контексте вертикальная структура дерева может трактоваться как Древо познания, а горизонтальная – как Древо жизни [11]. С Древом жизни сближают дерево Сенмурва присущие ему свойства плодородия и исцеления.

Пехлевиийский источник «Дадестан-и Меног-и Храд» («Суждения Духа Разума») дополняет Яшты некоторыми подробностями, указывая место расположения гнезда Сенмурва «на дереве всех семян, исцеляющем от зла» (Дадестан-и Меног-и Храд 61, 37) [цит. по: 12, с. 12]. Взлет Сенмурва сопровождается ростом побегов на дереве, а опускание – ломкой ветвей и разбрасыванием семян. Сенмурву помогает птица Чинамрош,

которая рассеивает семена там, где божество Тиштар, олицетворяющее звезду Сириус, черпает воду с семенами, чтобы пролить дождь на землю (Дадестан-и Меног-и Храд 61, 37-41) [цит. по: 13, с. 120].

«Дадестан-и Меног-и Храд» (27, 50) упоминает о существовании антипода Сенмурва – птицы Камак [цит. по: 13, с. 102], которая вызвала засуху на земле, заслонив крыльями Солнце, и которая склевывала как зерна пшеницы людей и зверей [14, с. 224]. В персидских ривайатах описано, как злобного монстра убивает герой Кершасп, выпуская в него стрелы из лука [15, с. 518]. Наличие злого двойника у Сенмурва вполне соответствует зороастрийской религиозной традиции разделения мира на добро и зло в контексте космической битвы между Богом Творцом Ахура Маздой и демоном Ангхра Майнью.

В Яштах не встречается описания внешнего вида Сенмурва. Советский историк и искусствовед К.В.Тревер ещё в начале XX в. на основе этимологического анализа сделала вывод, что имя Сэнмурв означает «собака-птица», и отметила, что «эти две природы, собачья и птичья, получили наиболее яркое выражение в образе Сэнмурва в изобразительном искусстве» [2, с. 26]. Это мнение было поддержано большинством ученых.

Изображение Симурга в виде собаки-птицы являлось символом династии Сасанидов, правящей в Иране с III в. до его покорения арабами в середине VII в. По всей видимости, в этот период Симург выражал прежде всего «хварно» – божественную славу и могущество сасанидских правителей [16].

Религиозный смысл символа птицы находит подтверждение в иранской мифологии. Птицы у древних иранцев считались воплощением душ умерших людей [17, с. 510]. На образ птицы-души, устремляющейся к Богу, наводит относительная лёгкость и способность к полёту пернатых. Птичьи образы используются во многих религиях у разных народов для обозначения связи с высшим небесным миром – теофании, явления ангелов, религиозный экстаз. Птичьи крылья содержит главный зороастрийский символ «фаравахар». С простертыми вверх крыльями по повелению Божию были сделаны золотые херувимы на ветхозаветном Ковчеге Завета [Исх. 25:20]. Святых ангелов также изображают с крыльями в христианской традиции.

Смысл изображения собачьих признаков у Симурга до настоящего времени оставался не вполне понятным. Российский востоковед А.Е.Бертельс предполагал, что изначально являлось изображение птицы, а «образ ночного крылатого демона, собаки-птицы» появился в результате влияния иной культурной традиции. Учёный считал неубедительными предпринятое К.В. Тревер объяснение соединения атрибутов птицы и собаки в образе Симурга [18, с. 170-171].

Однако при этом не был учтен тот факт, что собака всегда являлась самым священным животным в зороастрийской религии, господствующей в Древнем Иране. Ее символическое значение имеет в Иране очень давнюю историю, более древнюю чем зороастризм, корни которой восходят к погребальным культам, распространенным во многих регионах обитания человека еще в неолитический период. Речь идёт о вторичных захоронениях, которые практиковались, начиная с периода раннего неолита, когда возникли первые оседлые поселения. Тело умершего при этом сначала выставлялось

на открытом месте в лесу, где мягкие ткани обгладывались животными, оставлявших лишь кости скелета. Затем эти кости подвергались дальнейшему погребальному ритуалу (хоронились в склепах, могилах, и др.). Черепа или другие части скелета могли сохраняться отдельно, играя немаловажную роль в культе почитания предков. В первых поселениях эпохи раннего неолита (Чатал-Хююке, Иерихоне и др. на всей территории Древней Европы) встречаются захоронения костей прямо в полу жилищ, под домашним очагом [19, с. 308-310].

При этом животным, которые участвовали в экскарнации, то есть удалении мягких тканей тела, придавали священное значение. Такими животными являлись прежде всего птицы и собаки. В найденных в Чатал-Хююке святилищах на стенах были изображены птицы, клюющие человеческие тела. По мнению британского археолога Джеймса Мэллаарта, эти изображения можно трактовать как демонстрацию ритуального очищения костей от плоти [20].

О подобном обряде у древних персов пишет Геродот в середине V в. до н. э.: «Труп перса предают погребению только после того, как его растерзают хищные птицы или собаки» [21]. Особенность погребальной традиции, сохранившаяся у древних иранцев и отличавшая их от других народов, заключалась в том, что участь быть обглоданным собаками и птицами после смерти считалась почетной [20].

Этап изменения погребальных традиций, когда кремация начинает вытеснять экскарнацию, находит отголосок в античной культуре. Гомеровская «Илиада» неоднократно противопоставляет ритуальное предание тела огню, рассматриваемое в качестве угодного богам благочестивого обычая, незавидной участи посмертного растерзания тела собаками и птицами:

«Мертвое тело ни братья, ни сестры огня не сподобят;

Но троянские псы растерзают его перед градом!» (Гомер. Илиада, XV, 350-351) [22, с. 360].

«Птицы твой труп и псы мирмидонские весь растерзают!» (Гомер. Илиада, XXII, 354) [22, с. 487].

Известный российский археолог Л. С. Клейн полагает, что подобные тексты «Илиады» могут свидетельствовать о смене погребальной традиции, сопровождавшей начало размежевания греко-римской и иранской цивилизации [17, с. 501]. В Библии также можно встретить высказывания, похожие на текст «Илиады», при описании постыдной смерти идолопоклонников: «Кто умрет у Ахава в городе, того съедят псы, а кто умрет на поле, того расклюют птицы небесные» [3 Цар. 23: 24].

Впоследствии для христианства, иудаизма и ислама стало традиционным предание умерших земле. А кремация, сохранившись в индуизме, снова набирает популярность в современном секуляризованном мире.

Тем не менее, в ветхозаветный период в иудаизме продолжали практику вторичных захоронений. Об этом повествует еврейское предание, зафиксированное в Мишна и в трудах Иосифа Флавия [23]. Это также подтверждают недавние археологические находки – погребения св. апостола Иакова и первосвященника Каиафы, которые относят к

I веку н. э. [24, с. 131-137]. В соответствии с ритуалом, тела усопших около года лежали в погребальных пещерах, после чего кости укладывались в специальных ларцах «оссуариях». Косвенное указание на это можно увидеть в евангельском эпизоде с юношей, который, желая похоронить своего отца, колебался в принятии решения следования за Спасителем. Иисус сказал ему: «иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» [Мф. 8:22]. Слова Иисуса, которые могут показаться чрезмерно резкими, трактуются обыкновенно как призыв к кардинальной перемене жизни для удаления от греха, вплоть до оставления заповеди о почитании родителей. Но если предположить, что в евангельском эпизоде речь идёт о вторичном захоронении останков, совершавшемся через год после смерти, то такое повеление не вступает в противоречие ни с заповедями Моисея, ни с общепринятыми нравственными нормами. Об оссуариях возможно упоминает Иисус Христос, когда, обличая лицемерие книжников и фарисеев, уподобляет их «окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мёртвых и всякой нечистоты» [Мф. 23:27].

Вторичные захоронения практиковались евреями в период Второго храма и встречаются на территории рассеяния, включая Сасанидский Иран. Была такая традиция и у христиан, в том числе на территории России. Подобные захоронения проводились в христианском Херсонесе эпохи позднего средневековья. «Руины базилик постепенно превращались в кладбища: на развалинах устраивали десятки могил-костниц, куда переносили кости истлевших трупов, ранее захороненных за городом» [25, 41]. Монастырские костницы сохранилась в Свято-Климентовском Инкерманском монастыре, Синайском монастыре Святой Екатерины, лавре прп. Саввы Освященного, на святой горе Афон, а также в других православных монастырях. В западном христианстве до XVIII в. целые костёлы украшались костями умерших. Первоначальное символическое понимание традиции могло быть забыто, и одним из объяснений в настоящее время считается недостаток земли для захоронений или скалистый грунт.

Рассмотрим религиозный смысл древних погребальных обрядов с точки зрения зооастризма, религии Древнего Ирана. Древние священные тексты невозможность предания земле или кремации тел объясняют необходимостью сохранения святости Божественного творения. Стихии мира, созданные Богом Ахура Маздой, (огонь, вода и земля) не должны быть осквернены мертвым телом. Ведь смерть, как и всё зло, существующее в мире, не создана Богом Творцом, но есть плод деятельности злого духа Анхра Майнью. Согласно Авесте, тело умершего одержимо демоном смерти и, следовательно, способно осквернять священные творения [26]. Отсюда проистекают и многие законы о ритуальной чистоте. В данной традиции животные, участвующие в экскарнации, имеют священный статус, приобретая новые символические сакральные функции. Птицы и собаки становятся посредниками между небом и землёй, а также проводниками души в загробном мире.

В Авесте сам Ахура Мазда дает указания, что тела умерших необходимо располагать «на самых высоких вершинах, где известно, что всегда есть там собаки, падаль едящие, и птицы, падаль едящие» (Видевдат VI, 45) [27, с. 135]. В Видевдате (VII, 3)

[27, с. 138] также говорится о том, как собаки и птицы отгоняют демона от тела мёртвого человека. В этой же книге упоминается об участии собак в сопровождении души умершего в рай: «Приходит затем прекрасная, сильная дева, чье тело и формы прекрасны, с собаками, которые различают того, кто имел много сыновей, любил людей, имел высокий разум. Помогает она душе этого праведника вознестись вверх, выше вершины Хара-берзаити, выше моста Чинвад, и занять место в присутствии самих богов» (Видевдат XIX, 30) [27, с. 266].

В Видевдате перечисляются наказания, которые полагаются обидевшему, ранившему или убившему собаку. Человеку, нанесшему смертельное ранение собаке, полагается нанести от пятисот до восьмисот ударов плетью (Видевдат XIII, 12-15) [27, с. 200-201]. В зороастрийской «Книге о праведном Виразе» сказано, что жестокие адские муки постигнут тех, кто не давал пищу собакам, избивал или убивал их (Арда Вираз Намаг, 48) [28, с. 116].

В персидских ривайатах Хормаздьяра Фрамарза описывается, как желтоухий пёс Заррингош, посланный Ахура Маздой, охраняет от злых духов тело первочеловека Гайомарта. Этот пёс отгоняет демонов, желающих навредить душам умерших праведников при прохождении моста Чинват, ведущего в рай. Если человек при жизни обижал собак, то Заррингош не дает ему после смерти пересечь мост. А тому, кто при жизни кормил собак и заботился о них, Заррингош помогает, даже при наличии у такового каких-либо грехов [15, с. 259-260].

В традиционный зороастрийский заупокойный ритуал входит обряд сагдид («взгляд собаки»), в котором к покойнику подводят собаку, чтобы та посмотрела на труп. У иранских зороастрийцев этот обряд принято совершать три раза за время проведения ритуала, а у индийских парсов – пять [29, с. 115]. Собака своим взглядом должна прогнать демона трупного разложения Насу. Считалось, что равноценной силой обладала тень некоторых птиц, пролетавших над умершим [30, с. 181].

Из всех творений Ахура Мазды собака в зороастризме по значимости занимает второе место после человека. Собакой в случае необходимости можно даже заменить человека в некоторых ритуалах. При похоронах собаки должен соблюдаться такой же чин погребения, как и для человека, с проведением для неё обряда сагдид, с надеванием священного пояса кушти и белой рубахи седре [29, с. 116].

Собачьи признаки Симурга обнаруживаются в указанном выше мифе о «дереве всех семян» с точки зрения древней астрономии. Сириус, звезда, которую олицетворяет близкий Симургу язата Тишрия, является самой яркой на звездном небе, возглавляя созвездие Большого Пса. Сириус называли «песьей» звездой древние греки и римляне. «Псом Ориона ее нарицают сыны человеков», – пишет Гомер (Илиада XXII, 29) [22, с. 479], имея ввиду расположение ее возле созвездия небесного охотника Ориона. «Знойным Псом» называет Сириус Вергилий (Георгики, Книга II, 350-353) [31, с. 86]. Греки и латиняне отмечали появлением Сириуса наступление летнего зноя. В древнеиранской традиции эта звезда ассоциировалась с приходом сезона дождей после летней засухи. Возвышение Сириуса-Тишрии символизировало начало его борьбы с демоном засухи

Апаошей. В свою очередь, Апаошу в позднем зороастризме склонны были отождествлять с планетой Меркурий, планетарным противником Сириуса [32]. В жаркие летние месяцы считалось, что Тишрия набирает силу. Осенью, когда начинались дожди, Тишрия окончательно побеждает Апаошу [33].

Звездное небо у древних иранцев, также, как и у многих других народов, служило для иллюстрации мифических сюжетов. Так, созвездия Орион и Большой Пёс со звездой Сириус могли отождествляться с Гайомартом и псом Заррингошем, или Тишрией. Образ Симурга, перемещающегося со своим подопечным в преисподнюю и на небо, соответствовал распространенному представлению о собаке в качестве психопомпа [33]. Сохранились изображения Тишрии в сопровождении собаки [16].

Древняя астрономия дает подтверждение и птичьему образу Симурга, который можно соотнести с созвездием Орла или его главной звездой Альтаир («летающий орёл» по-арабски). А мифическую птицу Чинамрош, помогающую Симургу, можно отождествить с созвездием Лебедя [33].

Итак, при знакомстве с зороастрийскими мифами, нравственными нормами и обрядовыми предписаниями обнаруживается множество подтверждений священного статуса собак наряду с птицами в Древнем Иране, объясняющих наличие собачьих черт в Симурге. Возможно, востоковед А.Е.Бертельс не принял во внимание этих факторов, так как исследовал преимущественно исламский период Ирана, дав при этом исчерпывающую характеристику птичьих признаков Симурга данной эпохи [18].

Учитывая важное символическое значение, которое придавали в Древнем Иране птицам и собакам, можно предположить, что изображение Симурга, сочетающее птичьи и собачьи черты, вполне могло сложиться под влиянием погребальных традиций. В функции Симурга также входит посмертное прохождение души на небо.

Образ Симурга, по всей видимости, сохранялся среди иранских народов, и под именем Симаргла вошел в «языческий пантеон» князя Владимира. После принятия христианства Русь переняла древнее изображение, используя его для иллюстрации уже не языческих, но христианских идей. Ряд древнерусских архитектурных памятников содержит загадочные изображения необычных животных. Самые яркие примеры этому нам представляют фасады Дмитриевского собора во Владимире 12 в., Георгиевского собора 13 в. в г. Юрьеве-Польском Владимирской области, Борисоглебского собора 12 в. в Чернигове. И среди этих «фантастических тварей», украшающих фасады храмов, мы встречаем пернатых с собачьими лапами и мордами, идентичных Симургам Сасанидского Ирана. Показательным является то, что в христианском искусстве Запады крылатые грифоны изображаются страшными и злобными исчадиями ада с целью устрашения грешников. Между тем, в Древней Руси, как и в Иране никогда сказочные животные не олицетворялись со злым началом, но сохраняли загадочность и фантастичность, более близкие к образам райского сада. «Звери и фантастические твари здесь прежде всего знаменовали единство всего живущего, мудрость устроенного мира» [7, с. 117]. После монгольского нашествия, сопровождавшегося упадком русской культуры, подобные архитектурные элементы перестают употребляться при строительстве храмов. Со

временем национальная самобытность уступает место западным новомодным стилям. Понимание смысла древних изображений постепенно утрачивается.

Древний образ Симурга сохранился в иранском исламе, обогатившись новыми идеями. Исламская мистическая традиция обращает внимание в первую очередь на птичьи признаки Симурга как символ полета души. Уже в Коране можно встретить идеи уподобления человеческой души птице: «К вые каждого человека Мы привязали птицу его: в день воскресения Мы представим ему запись, которую встретит он раскрытою» (Коран 17: 14) [34, с. 517]. Пророки Сулейман и Дауд, согласно Корану, знали язык птиц (Коран 27: 16) [34, с. 701]. Известный персидский ученый и философ XI в. Абу Али Ибн Сина в труде «Рисалат ат-тайр» («Трактат о птицах») использует образы птиц для выражения собственного мистического опыта. В понимании Ибн Сины, удаление человеческой души от Бога и заключение ее в телесном мире похоже на состояние птицы, запертой в клетке [35].

Величайший иранский поэт Фирдоуси в эпической поэме «Шахнаме» описывает Симурга как грозную гигантскую птицу, царя всех птиц [36, с. 172]. Представленный в поэме Симург, живущий на высокой горе, играющий роль посредника между мирами, обладающий хварно и совершающий исцеления, продолжает домусульманскую религиозную традицию Древнего Ирана [18, с. 187].

Суфийские мыслители наиболее выразительно используют символ крылатого полета души при описании мистического восхождения на небо, отождествляя его с Мирражем Мухаммада. Тема символического путешествия птиц, как аллегория странствия души на пути к Богу, становится популярной у ряда поэтов и мистиков. В «Трактате о птицах» (Рисалат ат-тайр) Ахмада Газали рассказывается о том, как птицы, движимые страстным желанием, преодолевая физические и душевные препятствия, устремляются к Симургу, намереваясь сделать его своим падишахом. В этой поэме царь Симург, который обитает «на острове могущества, в городе величия и славы» [цит. по: 18, 214], символизирует Высшее Божество [18, с. 205]. Величественный образ Симурга получает дальнейшее развитие в трудах Санай, Сухраварди, Братьев чистоты и других суфиев. В философии суфиев Симург, пребывающий за горой Каф, становится метафорой Бога, абсолютно трансцендентного миру [37].

Наиболее ярко этот образ представлен у персидского поэта XII в. Фарид ад-Дина Аттара в поэме «Мантик ат-тайр» («Язык птиц» или «Совет птиц»), ставшей нормативным произведением суфийской литературы, и вдохновившей множество мистиков и поэтов [38, с. 301]. В поэме описано, как тридцать птиц в поисках царя птиц Симурга преодолевают семь долин, символизирующих духовные ступени суфийского пути к Богу. В итоге, достигнув цели, птицы обнаруживают, что каждая из них есть Симург. При этом автор поэмы обыгрывает звучание слова «Симург» как «си мург», что на персидском значит «тридцать птиц». По словам немецкого религиоведа А.Шиммель, «это один из самых оригинальных каламбуров в персидской литературе, превосходно выражающий тождество души с Божественной сущностью» [38, с. 303]. Аттар в поэтической форме показал завершение пути суфия как уничтожение в Боге, без которого невозможно

пребывание в Боге. В исламской традиции это обозначается термином «фанá» (араб. «растворение», «небытие») – «исчезновение личности мистика в божественном присутствии» [38, с. 152]. Статус Симурга возвышается до уровня Абсолютной Божественной Сущности, к единению с которой стремится мистик, следуя по пути духовного совершенства [18, с. 187].

Собачьи черты Сенмурва в мусульманской традиции не сохранились, что может быть объяснено сложившимся отрицательным отношением к собакам в исламе. В Коране в отношении четвероногих друзей человека ничего плохого не сказано, на неприязнь к ним указывают лишь некоторые хадисы. Но в целом ислам, с одной стороны, испытав влияние иудейского представления о собаках как нечистых животных, с другой – пытаясь отмежеваться от конкурирующей зороастрийской религии, выработал к ним негативное отношение. Допускается лишь использование их для практических целей: охоты, охраны и т. п. [39]. Сыграло свою роль и различие в погребальных обрядах. В отличие от зороастризма, в исламе так же, как в иудаизме и христианстве, практикуется ингумация – захоронение тела умершего в вырытой в земле могиле. В данном ритуале символическая роль собаки утрачивает смысл и с течением времени забывается. В результате в исламской традиции Симург лишается собачьих признаков, присущих зороастрийскому символу.

Выводы. Таким образом, при исследовании эволюции древнего зороастрийского символа выявлен примечательный образец творческой интерпретации и рецепции иранской культуры. Доказана взаимосвязь изображений иранского Симурга с погребальными обрядами древних иранцев, ведущих происхождение с раннеолитической эпохи. Сакральное значение, придаваемое птицам и собакам в процессе экскарнации, которое находит подтверждение в Авесте, объясняет соединение их атрибутов в Симурге, ставшим проводником души умершего на небо. Тесные контакты древних славян с иранцами повлияли на включение Симурга под именем Смаргла в древнерусский языческий пантеон. С принятием на Руси христианства иранский образ сохранялся в древнерусской храмовой архитектуре, символизируя связь с небесным миром в христианском контексте. Исламская мистическая традиция в иранском суфизме развивает символ Симурга как царя птиц для выражения идеи Абсолюта, трансцендентного миру. С наивысшей полнотой суфийская идея раскрыта Фарид ад-Дин Аттаром, в поэтической форме изобразившего Симурга в качестве метафоры Бога, конечной цели духовного пути.

Список литературы

1. Указ Президента РФ №809 от 9 ноября 2022 года. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603502873> (дата обращения 28.11.2022).
2. Иерусалимский Ю. Ю. Всемирный русский народный собор и Межрелиги-

- озный совет России: новые форматы межрелигиозного и межнационального диалога в постсоветской России на рубеже XX—XXI веков / Ю. Ю. Иерусалимский, А. Б. Рудаков // Научный диалог. – 2021. – № 5. – С. 355–370. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-355-370.
3. Токсанбаев А. К. Мусульманский взгляд на межрелигиозный диалог / А. К. Токсанбаев // Вестник Вятского государственного университета. – 2021. – № 2(140). – С. 52–59. – DOI: 10.25730/VSU.7606.21.018.
 4. Мельник С.В. Совместная российско-иранская комиссия по диалогу «Православие - Ислам»: история и основные принципы межрелигиозного взаимодействия. // Россия и мусульманский мир. – 2022. – №1. – С. 95-108. DOI: 10.31249/rimm/2022.0n0.
 5. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. // Избранное. 1963–1999 / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. – СПб. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. – 687 с.
 6. Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Комментар. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича. Ил. М. М. Мечева. – СПб.: Вита Нова, 2012. – 512 с.
 7. Лелеков Л. А. Искусство Древней Руси и Восток. – М.: Советский художник, 1978, – 159 с.
 8. Мадлевская Е. Л. Русская Мифология. Энциклопедия. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – 778 с.
 9. The Zend-Avesta. P. II: The Sirozahs, Yasts, and Nyayis / Translated by J.Darmsteter // The Sacred Books of the East translated by various oriental scholars and edited by F.Max Muller. Vol. XXIII. Oxford, 1883. – 384 p.
 10. Топоров В.Н. Древо Мировое. / Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах.) Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: «Советская Энциклопедия», 1987. — т. 1. А — К. — 671 с.
 11. World tree. // Encyclopædia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/world-tree> (дата обращения 03.10.2022).
 12. Тревер К. В. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. – Л.: Государственный Эрмитаж. 1937. – 74 с.
 13. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан- и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М. Чунаковой. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 352 с.
 10. Рак И.В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). – СПб.-Москва: «Журнал „Нева“» – «Летний Сад», 1998. – 560 с.
 11. Dhabhar B.N., The Persian Rivayats of Hormazyar Framarz. – Bombay: The K. R. Cama Oriental Institute, 1932. – 657 p.
 12. Compareti M. “Holy Animals” of Mazdeism in Iranian Arts - Ram, Eagle and Dog. – Name-ye Iran-e Bastan 9/1-2 (2009-10): 27-42 – URL: https://www.academia.edu/4968690/_Holy_Animals_of_Mazdeism_in_Iranian_Arts (дата обращения

- 03.10.2022).
13. Клейн Л. Расшифрованная «Илиада». – СПб: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2004. – 574 с.
 14. Бертельс А.Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX-XV веков (Слово, изображение). — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. — 422 с.
 15. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 572 с.
 16. Молина М. И да съест вас собака. // Журнал «Вокруг Света». Статьи журнала «Наука в фокусе», ноябрь 2011. – URL: <https://www.vokrugsveta.ru/nauka/article/151881/> (дата обращения 03.10.2022).
 17. Геродот. История в девяти книгах. – Изд-во «Наука», Ленинград, 1972, – URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1269001000#140> (дата обращения 03.10.2022).
 18. Гомер. Илиада. Пер. Н. И. Гнедича. – Л.: «Наука», 1990, – 572 с.
 19. Оссуарии. Электронная еврейская энциклопедия. — URL: <https://eleven.co.il/jewish-history/second-temple-period/13103/> (дата обращения 03.10.2022).
 20. Юревич Д., прот. Археологические открытия последних 50 лет, важные для изучения Священного Писания // Христианское чтение. 2005. № 25. – СПб: Изд-во СПбДА, 2005. – 240 с.
 21. Белов Г.Д. Херсонес-Корсунь. – Л.: Советский художник, 1969. – 48 с.
 22. Shahbazi A. S. ASTŌDĀN – Encyclopædia Iranica, Vol. II, 851-53 – URL: <https://iranicaonline.org/articles/astodan-ossuary> (дата обращения 03.10.2022).
 23. Авеста «Закон против дэвов» (Видевдат). – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 301 с.
 24. Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты. Введ., транслитерация пехлевийских текстов, пер. и коммент. О.М.Чунаковой. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 206 с.
 25. Мейтарчян М.Б. Погребальные обряды зороастрийцев. – М.; СПб.: Институт востоковедения РАН: Летний сад, 2001. – 248 с.
 26. Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. – 272 с.
 27. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Перевод с латинского С. Шервинского. (Серия «Библиотека всемирной литературы», т. 6). – М.: Художественная литература, 1971.
 28. Brunner C.J. APŌŠ. /ENCYCLOPÆDIA IRANICA FOUNDATION – URL: <https://iranicaonline.org/articles/apos-the-demon-of-drought>. (дата обращения 03.10.2022).
 29. Schmidt H.-P. SIMORĠ. /ENCYCLOPÆDIA IRANICA FOUNDATION – URL: <https://iranicaonline.org/articles/simorg> (дата обращения 03.10.2022).

30. Коранъ. Переводъ съ арабскаго языка Г. С. Саблукова. – Репринтное издание. – М.: Изд. МП «МИФ», 1991, – 1184 с.
31. Федорова Ю.Е. Ибн Сина и Фарид ад-Дин ‘Аттар: две версии легенды о странствии души-птицы к Богу // Litera. – 2015. – № 3. – С. 62 - 90. DOI: 10.7256/2409-8698.2015.3.17097 – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17097 (дата обращения 03.10.2022).
32. Фирдоуси. Шахнаме. Т. IV. (От царствования Лохраспа до царствования Искендера). Пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лахути, коммент. В. Г. Луконина. – М.: Научно-издат. Центр «Ладомир» - «Наука», 1994. – 460 с.
33. Федорова Ю. Е. Маснави Фарид ад-Дина ‘Аттара «Язык птиц» (Мантик ат-тайр): философское прочтение поэтического текста. – Философский журнал 2015. Т. 8. № 4. С. 15-30. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/masnavi-farid-ad-dina-attara-yazyk-ptits-mantik-at-tayr-filosofskoe-prochtenie-poeticheskogo-teksta> (дата обращения 03.10.2022).
34. Шиммель А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Рапопорт. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ООО «Садра», 2012. – 536 с.
35. Собака в исламе // Школа исламской Онлайн-Академии «Медина». – URL: <https://medinaschool.org/library/obshestvo/kultura/sobaka-v-islame> (дата обращения 03.10.2022).

Сведения об авторе

Андрущенко Игорь Валентинович – магистр теологии, иерей, старший преподаватель Таврической духовной семинарии Симферопольской и Крымской Епархии.

Email: agiosdim@yandex.ru

I. V. Andrushchenko

SIMURG: EVOLUTION OF THE IMAGE OF A DOG AND A BIRD IN THE ZOROASTRIAN AFTER-DEATH RITUAL

***Abstract:** Using the example of the evolution of the image of the mythical Simurgh (Senmurva), the article examines the influence of the Iranian religion in the process of communicative interaction with ancient Russian culture as well as Sufi Islam. The author explains the combination of the attributes of a bird and a dog in the image of the Simurgh by the sacred meaning of these animals in the excarnation practiced in the Zoroastrian funeral rite, which continued the tradition of secondary burials of the Neolithic era. The sacred status of dogs and birds in ancient Iran is confirmed by the texts of the Avesta and Pahlavi sources. In the Avestan period, the Simurgh acts as a conductor of the souls of the dead in the afterlife. In Sassanian Iran, Simurgh symbolizes «bad» - the divine glory of the Iranian rulers. In the ancient Russian pagan pantheon, recorded in the Tale of Bygone Years, the Iranian symbol entered under the name of Simargl. After the baptism of Russia, the image of a dog-bird, filled with Christian*

meaning, was preserved in temple architecture. The Iranian poet Firdousi continues the ancient Iranian tradition in the epic poem Shahnameh, where Simurgh is presented as an intermediary between the worlds, a bearer of evil and a healer. After the Islamization of Iran, which led to the recognition of dogs as ritually unclean animals, Muslim writers focus on the bird features of the Simurgh, identifying the mystical flight of the soul-bird with the Miraj of Muhammad. Sufi mystics elevate the ancient image of the king of birds Simurgh to the symbol of the Absolute, transcendent to the world. Simurgh acquires such significance in the works of Ahmad Ghazali, Sanai, Suhrawardi and other Persian philosophers and poets. Sufi thought is especially expressively presented by Farid ad-Din Attar in the treatise «Mantik at-tayr» («Language of Birds»), where the Simurgh serves as a metaphor for God, the ultimate goal of the spiritual path, upon reaching which the mystic's personality dissolves, as a necessary condition for being in God.

Keywords: Simurg, Simargl, Zoroastrianism, excarnation, Slavic pantheon, Sufism.

References

1. Ukaz Prezidenta RF №809 ot 9 noiābriā 2022 goda. «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoī politiki po sokhraneniū i ukrepleniū tradit͡sionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh t͡sennosteī». // Ofitsial'nyi internet-portal pravovoī informat͡sii. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603502873> (Accessed 28 Nov. 2022).
2. Ierusalimskiy, Yu. Yu., Rudakov, A. B. (2021). World Russian People's Council and Interreligious Council of Russia: New Formats of Interreligious and Interethnic Dialogue in Post-Soviet Russia at Turn of 20th — 21st Centuries. *Nauchnyi dialog*, 5: 355-370. DOI: 10.24224/2227-12952021-5-355-370.
3. Toksanbayev A.K. Muslim view on interreligious dialogue. / A. K. Toksanbaev // *Vestnik Viātskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2021. – № 2(140). – p. 52–59. – DOI: 10.25730/VSU.7606.21.018.
4. Mel'nik S.V. Sovmestnaiā rossiisko-iranskaiā komissiiā po dialogu «Pravoslavie Islam»: istoriiā i osnovnye print͡sipy mezhreligioznogo vzaimodeīstviā. // *Rossiiā i musul'manskii mir*. – 2022. – №1. – p. 95-108. DOI: 10.31249/rimm/2022.0n0.
5. Kovalevskaiā E.G. *Istoriā russkogo literaturnogo iāzyka*. // *Izbrannoe. 1963–1999 / Pod red. d-ra filol. nauk prof. K.Ė. Shtaīn*. – SPb. – Stavropol': Izd-vo SGU, 2012. – 687 p.
6. *Povest' vremennykh let / Per. s drevnerusskogo D. S. Likhacheva, O. V. Tvorogova. Komment. A. G. Bobrova, S. L. Nikolaeva, A. Iū. Chernova pri uchastii A. M. Vvedenskogo i L. V. Voītovicha. Il. M. M. Mecheva*. — SPb.: Vita Nova, 2012. – 512 p.
7. Lelekov L. A. *Iskusstvo Drevnei Rusi i Vostok*. – M.: Sovetskii khudozhnik, 1978, – 159 p.
8. Madlevskaiā E. L. *Russkaiā Mifologiiā. Ėnt͡siklopediiā*. – M.: Ėksmo; SPb.: Midgard, 2007. – 778 p.

9. The Zend-Avesta. P. II: The Sirozahs, Yasts, and Nyayis / Translated by J.Darmsteter // The Sacred Books of the East translated by various oriental scholars and edited by F.Max Muller. Vol. XXIII. Oxford, 1883. – 384 p.
10. Toporov V.H. Drevo Mirovoe. / Mify narodov mira. Ėntšiklopediiā. (V 2 tomakh.) Gl. red. S. A. Tokarev. – M.: «Sovetskaia Ėntšiklopediiā», 1987. – t. 1. A – K. – 671 p.
11. World tree. // Encyclopædia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/world-tree> (Accessed 3 Oct. 2022).
12. Trever K. V. Sēnmurv-Paskudzh, sobaka-ptitsā. – L.: Gosudarstvennyi Ėrmitazh. 1937. – 74 p.
13. Zoroastriiskie teksty. Suzhdeniiā Dukha razuma (Dadestan- i menog-i khrad). Sotvorenie osnovy (Bundakhishn) i drugie teksty. Izdanie podgotovleno O.M. Chunakovoī. — M.: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN, 1997. – 352 p.
14. Rak I.V. Mify Drevnego i rannesrednevekovogo Irana (zoroastrizm). – SPb.-Moskva: «Zhurnal „Neva“» – «Letniĭ Sad», 1998. – 560 p.
15. Dhabhar B.N., The Persian Rivayats of Hormazyar Framarz. – Bombay: The K. R. Cama Oriental Institute, 1932. – 657 p.
16. Compareti M. «Holy Animals» of Mazdeism in Iranian Arts - Ram, Eagle and Dog. – Name-ye Iran-e Bastan 9/1-2 (2009-10): 27-42 – URL: https://www.academia.edu/4968690/_Holy_Animals_of_Mazdeism_in_Iranian_Arts (Accessed 3 Oct. 2022).
17. Kleĭn L. Rasshifrovannaiā «Iliada». – SPb: ZAO «Torgovo-izdatel'skiĭ dom «Amfora», 2004. – 574 p.
18. Bertel's A.E. Khudozhestvennyi obraz v iskusstve Irana IX-XV vekov (Slovo, izobrazhenie). — M.: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN, 1997. — 422 p.
19. Gimbutas M. Tšivilizatsiia Velikoĭ Bogini: Mir Drevnei Evropy. – M.: «Rossiiskaia politicheskaiā ėntšiklopediiā» (ROSSPĖN), 2006. — 572 p.
20. Molina M. I da s'est vas sobaka. // Zhurnal «Vokrug Sveta». Stat'ĭ zhurnala «Nauka v fokuse», noiābr' 2011. – URL: <https://www.vokrugsveta.ru/nauka/article/151881/> (Accessed 3 Oct. 2022).
21. Gerodot. Istoriia v deviati knigakh. – Izd-vo «Nauka», Leningrad, 1972, – URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1269001000#140> (Accessed 3 Oct. 2022).
22. Gomer. Iliada. Per. N. I. Gnedicha. – L.: «Nauka», 1990, – 572 p.
23. Ossuarii. Ėlektronnaia evreiskaia ėntšiklopediiā. — URL: <https://eleven.co.il/jewish-history/second-temple-period/13103/> (Accessed 3 Oct. 2022).
24. Iūrevich D., prot. Arkheologicheskie otkrytiia poslednikh 50 let, vazhnye dlia izucheniiā Sviāshchennogo Pisaniia // Khristianskoe chtenie. 2005. № 25. – SPb: Izd-vo SPbDA, 2005. – 240 p.
25. Belov G.D. Khersones-Korsun'. – L.: Sovetskii khudozhnik, 1969. – 48 p.
26. Shahbazi A. S. ASTÖDĀN – Encyclopædia Iranica, Vol. II, 851-53 – URL: <https://iranicaonline.org/articles/astodan-ossuary> (Accessed 3 Oct. 2022).
27. Avesta «Zakon protiv devov» (Videvdat). – SPb.: Izd-vo Politekhn. un-ta, 2008. –

- 301 p.
28. Pekhleviĭskaia Bozhestvennaia komediia. Kniga o pravednom Viraze (Arda Viraz namag) i drugie teksty. Vved., transliteratsiia pekhleviĭskikh tekstov, per. i komment. O.M.Chunakovoĭ. – M.: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN, 2001. – 206 p.
 29. Meitarchiian M.B. Pogrebal'nye obriady zoroastriitsev. – M.; SPb.: Institut vostokovedeniia RAN: Letniĭ sad, 2001. – 248 p.
 30. Khismatullin A.A., Kriukova V.Iu. Smert' i pokhoronnyĭ obriad v islame i zoroastrizme. – SPb.: Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1997. – 272 p.
 31. Vergiliĭ. Bukoliki. Georgiki. Ėneida / Perevod s latinskogo S. Shervinskogo. (Seriia «Biblioteka vseмирnoĭ literatury», t. 6). – M.: Khudozhestvennaia literatura, 1971.
 32. Brunner C.J. APŌŠ. /ENCYCLOPEDIA IRANICA FOUNDATION – URL: <https://iranicaonline.org/articles/apos-the-demon-of-drought> (Accessed 3 Oct. 2022).
 33. Schmidt H.-P. SIMORĠ. /ENCYCLOPEDIA IRANICA FOUNDATION – URL: <https://iranicaonline.org/articles/simorg> (Accessed 3 Oct. 2022).
 34. Koran. Perevod s arabskago iazyka G. S. Sablukova. – Reprintnoe izdanie. – M.: Izd. MP «MIF», 1991, – 1184 p.
 35. Fedorova Iu.E. Ibn Sina i Farid ad-Din 'Attar: dve versii legendy o stranstvii dushi-ptits k Bogu // Litera. – 2015. – № 3. – p. 62 - 90. DOI: 10.7256/2409-8698.2015.3.17097 – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17097 (Accessed 3 Oct. 2022).
 36. Firdousi. Shakhname. T. IV. (Ot tsarstvovaniia Lokhraspa do tsarstvovaniia Iskendera). Per. s farsi Ts. B. Banu-Lakhuti, komment. V. G. Lukonina. – M.: Nauchno-izdat. Tsentr «Ladomir» - «Nauka», 1994. – 460 p.
 37. Fedorova Iu. E. Masnavi Farid ad-Dina 'Attara «Iazyk ptits» (Mantik at-tair): filosofskoe prochtenie poeticheskogo teksta. – Filosofskii zhurnal 2015. T. 8. № 4. p. 15-30. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/masnavi-farid-ad-dina-attara-yazyk-ptits-mantik-at-tayr-filosofskoe-prochtenie-poeticheskogo-teksta> (Accessed 3 Oct. 2022).
 38. Shimmel' A. Mir islamskogo mistitsizma / per. s angl. N. I. Prigarinoĭ, A. S. Rapoport. 2-e izd., ispr. i dop. – M.: OOO «Sadra», 2012. – 536 p.
 39. Sobaka v islame. // Shkola islamskoĭ Onlain-Akademii «Medina». – URL: <https://medinaschool.org/library/obshestvo/kultura/sobaka-v-islame> (Accessed 3 Oct. 2022).

Andrushchenko Igor' Valentinovich – Master of Theology, Priest, Senior Lecturer at the Tauride Theological Seminary of the Simferopol and Crimean Diocese.

Email: agiosdim@yandex.ru